СТРАННАЯ ПРЕДПРІИМЧИВОСТЬ, ИЛИ ПРИТВОРНОЙ ЖОККЕЙ.

ОПЕРА

въ одномъ дѣйствіи,

Подведенная подъ Француз-
скую музыку

Сергѣемъ Глинкою.

Съ дозволенія Московской Ценсуры.

МОСКВА.
Въ Губернской Типографіи у А.
Рѣшетникова 1800 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ДАМОНЪ, дядя Линваля.
ЛИНВАЛЪ, любовникЪ Александрины.
(лице сїе представляетЪ женщина)
АЛЕКСАНДРИНА, любовница Линваля.
ИЗАБЕЛЛА, дочь друга Дамонова.
ЛАФЛЮРЪ, слуга.

ДѢйствїе происходитЪ вЪ домѢ Дамона.

СТРАННАЯ ПРЕДПРІИМЧИВОСТЬ, ИЛИ ПРИТВОРНОЙ ЖОККЕЙ.

ОПЕРА въ одномъ дѣйствіи.

ЯВЛЕНІЕ I.

Александрина одна.

Сколько напастей, сколько огорченій, причиняетъ намъ первая погрѣшность. Я оставила моихъ знакомыхъ, друзей, родителей; оставила ихъ для того, которой сдѣлался единственнымъ предметомъ моего сердца. Не жалѣю объ этой жертвѣ и чувствую, что еще и болѣе бы здѣлала, естьлибъ только Линваль того отъ меня потребовалъ. Но ахъ! теперь находясь съ нимъ въ одномъ домѣ, дыша однимъ воздухомъ, я такъ рѣдко его вижу! . . . Это наноситъ

сердцу моему лютѣйшее страданіе. Женщины, женщины! . . . Какимъ опасностямъ подвергаетъ васъ любовь. —

АРІЯ.

Когда любовникъ нѣжный къ вамъ
Взоръ будетъ обращать свой страстный,
Бѣгите! — взглядъ пріятный намъ —
Вливаетъ въ сердце ядъ опасный.
Его прелестный, нѣжный гласъ,
Пусть ваше сердце не внимаетъ:
Хоть чуть кто здался въ первой разъ,
Въ другой совсѣмъ тотъ упадаетъ.

*

Страшитеся съ тѣмъ быть однѣ,
Кто вашей сталъ душѣ любезенъ! . . .
Тогда (вы въ томъ повѣрьте мнѣ)
Весь нашъ разсудокъ безполезенъ.
Какъ мнѣ Линваль, люблю! сказалъ,
Ему я гордо отвѣчала:
Но скоро весь мой гнѣвъ пропалъ,
И я ему подвластна стала.

*

Но для чего любви бѣжать? . . .
Любви на свѣтѣ все подвластно:
И тотъ лишъ можетъ щастье знать,
На вѣкъ чье сердце стало страстно.

Напрасно мы гордясь собой,
Хотимъ являть сопротивленье;
Владѣетъ нашею душой
Любезнаго одно воззрѣнье.

ЯВЛЕНІЕ II.

Александрина и Лафлїоръ.

Лафлїоръ съ узломъ въ рукахъ.

Милостивая государыня! я вточности исполнилъ ваше приказаніе, въ этомъ узлѣ вы все найдете.

Александрина.

Отнеси ево въ мою комнату, но естьли хочешь быть еще мною награжденъ, то не сказывай о томъ ни слова Линвалю.

Лафлїоръ.

Надѣйтесь совершенно на мое молчаніе. Лафліоръ обращался въ свѣтѣ и онъ знаетъ, сударыня! къ статѣ говорить къ статѣ и молчать.

Лафлїоръ уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Александрина одна.

Чѣмъ болѣе размышляю, тѣмъ болѣе восхищаюсь хитростію, которая такъ щастливо пришла мнѣ на мысль. Съ помощію ее могу я ежеминутно видѣть Линваля, не опасаясь со стороны никакихъ подозрѣній. Такъ! сама любовь мнѣ ее внушала. Но вотъ и Линваль.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Александрина и Линваль.

Линваль.

Любезная Александрина! какой ужасной и неожидаемой ударъ наноситъ намъ судьба. Смущеніе, страхъ, отчаяніе терзаютъ мой духъ.

Александрина.

Что, что такое Линваль? Могу ли я чего нибудь страшиться! когда тебя вижу, когда слышу твой го-

лосѣ, которой столько пріятенѣ моему сердцу? Ахѣ не ужели ты пересталѣ меня любить! . . . .

Линвалъ.

Нѣтѣ! никогда еще я кѣ тебѣ такѣ страстно не пылалѣ, какѣ теперь; никогда ты мнѣ не казалась такѣ прелестною; —— но. . . . Александрина! — Намѣ надобно разстаться.

Александрина.

Разстаться! . . . Жестокой! и ты могѣ мнѣ это выговорить. Я ни слова неупоминаю о томѣ, что я для тебя здѣлала; для любви всякая жертва ничто; —— но зная, какой чрезмѣрной жарѣ питаетѣ кѣ тебѣ Александрина, зная, что я тобою только живу, какѣ могѣ ты помыслить о разлукѣ со мной.

Линвалъ.

Выслушай меня прежде и потомѣ осуждай.

Александрина.

Нѣтъ! я ничего не слушаю.... и ты во всемъ можешь меня увѣрить, кромѣ только того, чтобы съ тобою разлучиться.

Линвалъ.

Дядя мой скоро пріѣдетъ.

Александрина.

Твой дядя!....

Линвалъ.

Да, любезная Александрина! я сей часъ о томъ получилъ извѣстіе. Я надѣялся, что онъ долѣе пробудетъ въ деревнѣ, и вотъ для чево осмѣлился принять тебя въ его домъ; что же будетъ съ нами, когда онъ здѣсь тебя застанетъ.

Александрина.

Жестокой! съ какою холодностью увѣдомляешь ты меня о разлукѣ. Да, твоя осторожность и та мнимая боязнь, которую ты изъявляешь, ясно мнѣ доказываютъ, что я уже для тебя стала не та, въ которой ты находилъ все свое щастіе, которой

одинъ взоръ приводилъ тебя въ забвеніе о цѣломъ свѣтѣ . . . . ты клялся, что вѣчно сохранишь ко мнѣ это чувство . . . . гдѣжъ тѣ клятвы!

Линвалъ.

Ахъ! не убивай меня этими несправедливыми упреками, они для меня ужаснѣе смерти. Естьлибъ ты знала причину моей боязни; — причину скораго возвращенія моего дяди!

Александрина перерывая его;

Открой, открой мнѣ все скорѣе.

Линвалъ.

Онъ хочетъ меня женить и съ нимъ пріѣдетъ сюда назначенная мнѣ невѣста.

Александрина.

Женить тебя! нѣтъ Линваль, теперь-то ничто уже не заставитъ меня вытти изъ этого дому; я здѣсь останусь, буду гоняться за тобою, какъ тѣнь. Женить тебя! . . . Дядя

твой исполнитЬ это, исполнитЬ, когда онЬ столько жестокЬ, исполнитЬ, но тогда, когда буду я во гробѣ.

Линвалъ.

Успокойся, любезная Александрина! тебѣ ли сомнѣваться вЬ моей любви; я соглашусь лучше умереть, нежели быть сЬ тобою вЬ разлукѣ; но намЬ надобно стараться отвратить бурю, угрожающую намЬ бурю. Я тебѣ уже тысячу разЬ повторялЬ, что я бѣденЬ и что всѣмЬ моимЬ имуществомЬ обязанЬ я дядѣ моему. Питая ко мнѣ отцовскую горячность, онЬ дѣлаетЬ меня наслѣдникомЬ; и хочетЬ, чтобЬ я во всемЬ ему повинуясь, женился на дочери его друга. Но я лучше рѣшусь лишиться всего, нежели здѣлать тебя нещастною. Заклинаю тебя всею моею любовію, удались изЬ этого дому, гдѣ тебѣ никакЬ не можно укрыться отЬ моего дяди; удались — на самое короткое время, и вѣрь, что Линваль

скорѣе умреть, нежели измѣнить тебѣ.

Александрина.

Нѣть! все напрасно, я остаюсь здѣсь, остаюсь непремѣнно.

Линваль.

Ты остаешься здѣсь? что же будеть съ нами, когда пріѣдеть сюда дядя мой.

Александрина.

Любовь, къ которой ты такъ мало имѣешь довѣренности; любовь будеть моею покровительницею; она внушила мнѣ средство укрыться не только отъ взоровъ твоего дяди, но даже и отъ взоровъ самаго Аргуса.

Линваль.

Но скажи мнѣ какое средство?

Александрина.

Эта хитрость, готовленная для другаго случая, теперь послужить мнѣ очень кстати.

Линваль.

Но дядя мой!....

Александрина.

Дядя твой меня увидитъ.

Линвалъ.

Увидитъ! чтожъ скажетъ онъ?

Александрина.

Онъ скажетъ, что я мила, прелестна, словомъ: онъ не налюбуется на меня

Линвалъ.

Любезная Александрина! ты не знаешь моего дяди; онъ добраго сердца; но такъ упрямъ, что скорѣе умретъ, нежели отступитъ отъ своего намѣренія.

Александрина.

Тѣмъ лучше, любовь и сила женскихъ уловокъ побѣдятъ его упорность.

Линвалъ.

Но та женщина, которая съ нимъ пріѣдетъ? . . .

Александрина.

И она также меня увидитъ.

Линвалъ.

Ты погубишь меня?

Александрина.

Я тебѣ говорю, надѣйся на любовь, надѣйся на меня — и вѣрь, что выдумка моя послужитъ совершенно въ нашу пользу.

Дуэтъ.

Линвалъ.

Совсѣмъ, совсѣмъ не понимаю,
Намѣренья я твоего! —

Александрина.

Съ успѣхомъ все я окончаю,
Вѣрь мнѣ — не бойся ничего.

Линвалъ.

Что ты предпринимаешъ?

Александрина.

Какъ кончу все — тогда меня узнаешь.
Коль вѣренъ будешь мнѣ всегда,
Коль мной лишъ будешь заниматься,
Съ успѣхомъ кончу все тогда.

Линвалъ.

Но можноль мнѣ отъ ней скрываться.

Александрина.

Отъ ней намъ не страшна бѣда.

Линваль.

А дядя мой. . . .

Александрина.

Мой жаръ похвалитъ.
Любви преградъ нѣтъ никогда.

Линваль.

Намъ шутку надобно оставить,
Судьба съ тобой насъ хочетъ гнать:
Бѣда! коль дядя насъ застанитъ.

Александрина.

Я предъ него хочу предстать,
Ничто не страшно мнѣ съ тобою.

Линваль.

Ахъ! сжалься, сжалься надо мною,
Бѣги! насъ хочетъ рокъ карать.

ЯВЛЕНІЕ V.

Лафлïоръ и Линваль.

Лафлïоръ Линвалю.

Дядюшка вашъ пріѣхалъ съ какою-то женщиною и они уже выходятъ изъ кареты.

Уходитъ.

Линваль и Александрина повторяють последнїе стихи дуэта.

Линваль.

Боже мой! она вошла въ эту комнату . . . . естьли дядя мой. . . какая неосторожность . . . . не знаю, что мнѣ дѣлать . . . . ее увидять! я погибъ; хотя бы запереть дверь. . . Ахъ! они уже идуть. . . .

ЯВЛЕНIЕ VI.

Линваль, Дамонъ и Изабелла.

Дамонъ.

Хорошъ, хорошъ племянникъ; чѣмъ бы бѣжать опромѣтью встрѣчать дядю, съ которымъ нѣсколько не видался — ты и съ мѣста не шевельнулся. —

Линваль съ смущенїемъ кланяется Изабеллѣ.

Линваль

Дядюшка извините меня . . . . я сердечно радъ вашему прiѣзду. . . но удивленiе мое такъ чрезмѣрно.

Дамонъ.

О, ты конечно чувствуешь самое пріятное удивленіе ; да и какъ иначе . . . . погляди-ка, какова невѣста . . . . знакомься, знакомься скорѣе съ нею , будь поворотливъ ; я люблю все мигомъ дѣлать . . . . но что же вы стоите , какъ вкопанные? А ! видно сердчишки ваши смолвились. . . . Изабелла ! Ты все еще молчишь.

Изабелла.

Молчаніе мое очень основательно.

Дамонъ.

Ха ! ха ! основательно молчать женщинѣ , вотъ подлинно девятое чудо . . . . А ты что племянничекъ стоишъ , какъ пѣнь ?

Линвалъ.

Дядюшка . . . . удивленіе . . . . нечаянность . . . . смятеніе. . . .

Дамонъ.

Нечаянность ! смятеніе, что это за дьявольщина. Я привожу тебѣ не-

вѣсту молодую, — прекрасную, а ты. . . .

Линвалъ.

Я точно тоже дядюшка готовъ былъ сказать.

Дамонъ.

Хорошо, хорошо, вы наговоритесь послѣ, сколько вамъ угодно, а теперь подумаемъ, гдѣ Изабеллу помѣстить до свадьбы.

Показывая на ту комнату, въ которую вошла Александрина.

Кажется эта комната для нее покойна будетъ, посмотримъ. . . .

Линвалъ останавливая его.

Дядюшка! эта комната занята, и въ безпорядкѣ . . . я — жилъ въ ней нѣсколько дней, вотъ эта гораздо приличнѣе будетъ для Изабеллы.

Дамонъ.

Ты говоришъ правду; тамъ гораздо веселѣе; оттуда виденъ садъ, прудъ и всѣ окрестности. — И такъ,

любезная Изабелла! я ее для тебя назначаю.

Изабелла погруженная въ задумчивость, совсѣмъ не слушаетъ его рѣчей.

Пойдемъ Линваль со мною, мнѣ надобно кое что учредить . . . . оставимъ здѣсь нашу красавицу, пусть она нѣсколько осмотрится . . . . застѣнчивость . . . . скромность. . . . цѣломудріе . . . . о! женщинъ тревожитъ и самая бездѣлица. . . . но все это пройдетъ ; нѣсколько еще дней — и Изабелла совсѣмъ перемѣнится. Замужство , замужство , лучшее лѣкарство отъ молчанія , отъ застѣнчивости и всѣхъ дѣвичьихъ припадковъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Изабелла одна.

Какой ужасной подвержена я участи! — Естьли, ахъ! что нибудь въ свѣтѣ горестнѣе состоянія женщинъ! . . . Кажется, онѣ должны быть

вѣчною жертвою своей чувствительности . . . не спросясь ни съ моимъ желаніемъ , ни съ сердечною моею склонностью , разлучаютъ меня съ моими родителями — а что еще лютѣе . . . разлучаютъ съ тѣмъ , въ комъ полагала я все щастіе и всѣ удовольствія моей жизни . . . наконецъ , привозятъ меня въ незнакомой домъ , гдѣ совершенно по неволѣ хотятъ выдать за мужъ.

АРІЯ.

Съ надеждой я на вѣкъ разсталась,
Всего лишаюсь я судьбой !
Кѣмъ только мысль моя питалась,
Кто обладалъ моей душой. . . .
Должна теперь съ тѣмъ разлучиться :
Пусть съ нимъ и вѣкъ прервется мой.

*

О ты ! съ кѣмъ разлученье,
Мнѣ рокъ велитъ снести ! . . .
Ты мной терпя мученье
Мнѣ муки тѣ прости.
Увы ! бывъ принужденна ,
Твой страстной духъ терзать,

Я и того лишенна,
Чтобъ слезы проливать.

*

Но вѣрь, ты будешь вѣчно
Владѣть моей душой;
Тебя, мой другъ! любя сердечно
Лишъ буду жить однимъ тобой.
Ни власть отца, ни рокъ ужасный,
Не могутъ погасить жаръ мой;
Тебѣ я навсегда подвластна;
Умру питая духъ тобой.

*

Они скоро сюда возвратятся, ахъ! должно сокрыть слезы и удалиться отсюда. Не знаю, какую назначали мнѣ комнату . . . кажется, что эту . . . . посмотримъ. . . .

Она хочетъ отворить дверь въ комнату Александрины.

ЯВЛЕНIЕ VIII.

Изабелла и Александрина.

Александрина за театромъ.

Ушли ли онѣ?

Изабелла.

Какой я слышу голосъ?

Александрина за театромъ.

Лафлïоръ, ты здѣсь, Лафлïоръ?

Изабелла.

Это женской голосъ.

Александрина выходитъ переодѣтая Жоккеемъ.

Чтожъ ты не отвѣчаешь . . . . ахъ! извините сударыня, я думалъ, что говорю съ Лафлïоромъ.

Изабелла въ сторону.

Я ошиблась! . . .

Александрина.

Что съ вами сдѣлалось? отъ чево вы въ такомъ смущенiи.

Изабелла садится.

Ты испугалъ меня.

Александрина.

Извините, сударыня! мою неосторожность . . . но не прикажете ли чего принести. Вы такъ блѣдны.

Изабелла.

Сдѣлай милость принеси мнѣ стаканъ воды?

Александрина.

Тотчасъ, сударыня, тотчасъ.

Уходитъ.

Изабелла.

Я не знаю, что дѣлать .... безпокойство мое часъ отъ часу умножается. Здѣсь обходятся со мною такъ странно .... все мнѣ не нравится .... Ахъ! естьли кто нещастнѣе меня.

Александрина выходитъ неся стаканъ воды.

Сударыня! я исполнилъ ваше приказаніе.

Изабелла.

Благодарствуй, другъ мой!

Изабелла беретъ стаканъ воды и все держитъ его надъ подносомъ.

Александрина.

Осмѣлюсь спросить, сударыня! не вы ли невѣста моего господина?

Изабелла.

Я! ....

Александрина.

А когда будетъ свадьба?

Изабелла.

Сама не знаю.

Александрина.

Ахъ! сударыня, извините мое любопытство; но мнѣ хочется знать обо всемъ, что только относится къ моему господину.

Изабелла.

Такъ ты любишь Линваля?

Александрина.

Я столько ево люблю, что желалъ бы во всю мою жизнь быть отъ него безотлученъ. А да вотъ и онъ идетъ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣже, Линваль, а потомъ Дамонъ.

Линваль входя.

Ахъ! что я вижу!

Александрина тихо Линвалю.

Молчи, молчи, ты все дѣло испортишь.

Дамонъ входя.

Что сдѣлалось съ Изабеллою?

Изабелла.

Слава Богу! все уже прошло.

Александрина.

Она потребовала стаканъ воды, и я тотчасъ принесъ.

Дамонъ.

А! племянничекъ! да ты живешь по модѣ, какой у тебя прекрасной Жоккей.

Линвалъ.

Да, дядюшка! . . . онъ. . . .

Александрина.

Такъ сударь, я рѣшился вѣчно служить вашему племяннику — и столько ему преданъ, что готовъ жизнію моею жертвовать.

Линвалъ.

Я васъ увѣряю, дядюшка, что онъ преисправной малой.

Александрина.

Да, сударь! вы теперь хвалите, а недавно хотѣли сослать меня.

Дамонъ.

А за что это?

Линваль.

Я не зналъ понравиться ли онъ вамъ?

Дамонъ.

О! онъ мнѣ очень, очень нравится, и я хочу, чтобы ты его всегда при себѣ держалъ.

Александрина *Линвалю.*

Слышите ли, сударь! что говоритъ вашъ дядюшка.

Дамонъ *Александринѣ.*

Не бойся, не бойся, ты навсегда здѣсь останешься; но я не могу довольно надивиться — какое милое, прекрасное личико.

Александрина.

Ахъ! сударь, наружность часто обманчива бываетъ.

Дамонъ.

Это правда, только никто этова не скажетъ объ невѣстѣ твоево

господина. Усердно ли ты будешь ей служить.

Александрина.

О! сударь.

Дамонъ Линвалю.

А какъ ево зовутъ?

Линваль.

Ево зовутъ. . .

Александрина перехватя.

Меня зовутъ Александромъ.

Дамонъ.

Александромъ? это! слишкомъ громкое имя для Жоккея.

Александрина.

Не потому ли, сударь, что былъ нѣкогда Александръ великій?

Дамонъ.

Какъ! онъ еще и ученъ, ну! подлинно сказать племянничекъ, что ты нашелъ сокровище.

Линваль.

Я очень радъ, что онъ вамъ нравится

Дамонъ Изабеллѣ.

Что? не чувствуешь ли еще какого безпокойствія?

Изабелла.

Нѣтъ! все уже прошло.

Дамонъ.

Вѣрю, вѣрю. Первое свиданіе для дѣвушки всегда какъ то дико; но день другой, третій, и все пойдетъ ладнѣе. — А какъ выдешь за мужъ? О! о томъ ужъ и говорить нечево; какъ же Жоккей нашъ будетъ радъ. . . . какъ же онъ повеселится на свадьбѣ!... Я и самъ кажется лѣтъ десятокъ другой зброшу съ плечь. *Изабеллѣ*: поди отдохни въ своей комнатѣ, а мнѣ надобно слова два перемолвить съ племянникомъ наединѣ.

Дамонъ провожая Изабеллу говоритъ ей наухо.

Линваль мнѣ сказалъ, что ты ему очень, — очень полюбилась — и что онъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ назначеннаго дни для свадьбы.

Изабелла.

Ахъ! *Уходитъ.*

Линвалъ тихо Александринѣ.

Ахъ! какъ ты неосторожна.

Александрина тѣмъ же голосомъ.

Будь смѣлѣе и не отчаявайся въ покровительствѣ любви.

Дамонъ.

И ты Г. Александръ такъ же оставишъ насъ на минуту.

ЯВЛЕНІЕ X.

Дамонъ и Линвалъ.

Дамонъ.

Знаешь ли, что мнѣ теперь говорила Изабелла?

Линвалъ.

Нѣтъ!

Дамонъ.

Она мнѣ сказывала, что ты ей совершенно нравишся, и что хоть сей же часъ рада она тебѣ дать свою руку.

Линвалъ.

Дядюшка. . . .

Дамонъ въ сторону.

Какія же подпускаю я ему лясы, а онъ и вѣритъ имъ! что дѣлать? Гдѣ не возмешь правдою, тамъ потребна хитрость. *къ Линвалю:* Однако племянничекъ поговоримъ о дѣлѣ.

Линвалъ.

Сдѣлайте милость, выслушайте меня! — Совершенно ли вы увѣрены, что Изабелла желаетъ со мною вступить въ супружество.

Дамонъ.

Какое въ томъ сумнѣніе. Развѣ она имѣетъ причину подозрѣвать тебя въ какомъ недостаткѣ?

Линвалъ.

А увѣрены ли въ томъ, что это супружество составитъ мое щастіе.

Дамонъ.

А! попали мы на ладъ . . . конечно какая нибудь красотка свела

тебя съ ума; но какъ бы то ни было, а ты долженъ исполнить мою волю.

Линвалъ.

Но естьли Изабелла не трогаетъ моего сердца.

Дамонъ.

То есть, что сердце твое занято другою; но слушай меня: я говорю тебѣ безъ обиняковъ. — Изабелла, дочь моего друга, которой осыпалъ меня благодѣяніями; онъ бѣденъ, и я хочу отблагодарить его выдавши за тебя его дочь; вы оба бѣдны, но коль скоро ты на ней женишся, то укрѣплю за тобою все мое имѣніе; въ противномъ случаѣ ничего отъ меня не получишъ. Вотъ мое условіе, изволь теперь говорить, что хочешь.

Линвалъ.

Но мнѣ кажется, что и любовь должна въ супружествѣ имѣть какое нибудь участіе.

Дамонъ.

О! когда женихъ съ невѣстою влюблены другъ въ друга, то конеч-

но хорошо; а естьли и невлюблены, то и это не худо, по тому, что любовь придетЪ кЪ нимЪ послѣ, когда ей вздумается; но мнѣ до этаго нужды нѣтЪ. Да скажи мнѣ, любезной племянничекЪ! откуда ты набралЪ вЪ голову такія дурачества . . . . спрашиваютЪ ли когда о согласіи сердецЪ, о участіи любви — и о всѣхЪ этихЪ небылицахЪ какого то золотаго вѣка . . . . нѣтЪ! нынче спрашиваютЪ совсѣмЪ другое; то есть: много ли за нею душЪ? сколько тысячь даютЪ вЪ приданое? ВотЪ вопросы нынѣшнихЪ временЪ. Да они и хороши, точно хороши! — По тому что безЪ денегЪ и все опостылѣетЪ.

Линвалъ.

НѣтЪ дядюшка! вы что не говорите, а я никогда не повѣрю, чтобЪ люди, одною корыстію соединенные, могли быть щастливы.

Дамонъ.

ПростячокЪ! не ужЪ ли ты думаешЪ, что всѣ мужья и жоны любятся, какЪ страстныя горлицы.

Линваль.

Это бы должно быть такъ, и мнѣ кажется, что въ томъ то бы и нашли они рай жизни своей.

Дамонъ.

Другъ мой! повѣрь, что это все только бредни изъ романовъ. Я знаю сколько нибудь людей, да и сердца женщинъ такъ же мнѣ знакомы. — Хотя и неслыханное чудо постигнуть ихъ!... Ну! выслушай же объ этомъ мое мнѣніе. Женщина, или любитъ выходя за мужъ, или будетъ любить послѣ; но кто будетъ тогда предметомъ этой любви, того и самъ чортъ не отгадаетъ. — Чтожъ дѣлать мужу въ такихъ обстоятельствахъ?... Естьли онъ въ силахъ, то заставитъ себя любить, или сносить терпѣливо — когда вотъ это; *показывая на лобъ и изображая пальцами рога:* Украсится парою такихъ фигурокъ. Впрочемъ, какъ бы не было, я тебѣ еще разъ повторяю: Изабелла — и все мое имѣніе; — а безъ того ничего.

Линваль.

Не ужъ ли вы захотите меня силою принудить?

Дамонъ.

Я тебя не принуждаю, а даю на выборъ.

Линваль.

А естьли откажусь отъ нее?

Дамонъ.

Тогда ступай на всѣ четыре стороны — и живи какъ хочешь.

Линваль.

Дядюшка! я охотно хотѣлъ бы исполнить ваше желаніе; но сердце, сердце! . . .

Дамонъ передразнивая.

Сердце, сердце . . . . хорошо, господинъ вздыхатель. Неси страстное твое сердце къ ногамъ своей любезной, томись, вздыхай, гуляй по цвѣтущимъ бережкамъ прозрачнаго источника и питайся однимъ чистымъ воздухомъ,

Линвалъ.

Ахъ! вы приводите меня въ отчаяніе!

Дамонъ.

Право? но я лишняго говорить не стану. Прощайте, прощайте, государь мой! желаю вамъ всякаго благополучія.

Линвалъ.

Дядюшка! сжальтесь надо мною.

Дамонъ.

Тьфу пропасть, какой же ты чудакъ; я предлагаю тебѣ прекрасную невѣсту и вмѣстѣ съ нею все мое богатство, а ты мнѣ заунывнымъ голосомъ говоришъ: дядюшка! сжальтесь надо мною.

Линвалъ.

Воля ваша, дядюшка! но я никогда не могу согласиться на противной для меня бракъ.

Дамонъ.

Увидимъ, увидимъ. . .

АРІЯ.

Хоть какъ себѣ ты ни вертися,
Но я поставлю на сваіомъ. . . .
Я добръ и чивъ бывалъ во всіомъ,
Но быть ослушнымъ берегися —
И знай — не премѣнюсь я въ томъ. . .
Сто тысячь золотой монетой —
И личико милое притомъ. . . .
Чевожъ еще желать на свѣтѣ? . . .
Скажи мнѣ на отрѣзъ скорѣй —
Согласенъ ли? . . . .

Линвалъ.

Дядюшка! . . . .

Дамонъ.

Тсъ. . . .

Хоть какъ себѣ ты ни вертися,
Но волѣ слѣдуя моей,
Приказъ исполнить долженъ сей. . . .
Я радъ душою подѣлиться,
Коль только слушають меня:
Ты долженъ сей же часъ рѣшиться,
Иль съ глазъ моихъ сгоню тебя. . . .
Межъ насъ не будетъ дружбы болѣ,
Забуду, что ты мнѣ родня;
Скажи: покоренъ ли сей волѣ? . . .
Такъ, такъ согласенъ ты во всемъ

Молчанье мнѣ твое являетъ,
Что межъ собой мы ладъ найдемъ.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Линвалъ одинъ.

Боже мой! онъ думаетъ, что я согласился . . . ахъ! что будетъ съ любезною моею Александриною? Могуль ее оставить? Нѣтъ, нѣтъ, скорѣе соглашусь претерпѣвать бѣдность, — скорѣе соглашусь быть выгнанъ изъ дому моего дяди, нежели когда помыслю только объ этомъ. Но могуль видѣть Александрину въ бѣдности; могуль быть виною ея горестей . . . ахъ! я не знаю, что дѣлаю, что говорю и на чѣмъ долженъ рѣшиться. . . .

АРІЯ.

Веселье дней моихъ прервалось,
Я долженъ безъ любезной жить. . . .
Мигъ сердце щастьемъ наслаждалось,
А вѣчно буду слезы лить. . . .

Севодни я прощусь съ тобою . . .
Увы! такъ лютый рокъ велѣлъ;
Но помни, что моей душою
Тебѣ я жертвовать хотѣлъ.

*

Своихъ ты мукъ мнѣ изъявленьемъ
Тоски моей не умножай! . . .
И горькихъ слезъ твоихъ теченьемъ
Души моей не ослабляй.
И безъ того мой духъ размученъ. . . .
Когдажъ въ теченье лучшихъ дней,
Твой будетъ вѣкъ благополученъ
Любви не забывай моей.

*

Томясь въ пустынѣ отдаленной
Всечасно лютою тоской;
Твой только образъ драгоцѣнной —
Отрадой будетъ мнѣ одной.
Я буду повторять — рыдая:
„Что сердцемъ правишъ ты моимъ
„Что жизнь тобою подкрѣпляя; —
„Умру невольникомъ твоимъ.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Линеаль и Александрина.

Александрина.

Бѣги Линваль, бѣги скорѣй отсюда; дядя твой сей часъ сюда придетъ, онъ хочетъ со мною говорить наединѣ — и кажется имѣетъ какое то подозрѣніе.

Линваль.

Ахъ! естьли онъ узналъ, кто ты?

Александрина.

Съ самымъ сердитымъ видомъ приказалъ онъ мнѣ себя здѣсь ожидать.

Линваль.

Я умру! естьли тайна наша откроется.

Александрина.

Бѣги, бѣги, онъ уже идетъ.

Линваль уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Дамонъ и Александрина.

Дамонъ.

А! ты здѣсь одинъ, тѣмъ лучше: мы можемъ поговорить свободно. Послушай! ты долженъ разсѣять мое сомнѣніе.

Александрина.

Сомнѣніе. . .

Дамонъ.

Да! меня безпокоитъ одно подозрѣніе, въ которомъ хочу увѣриться. Скажи мнѣ, любишъ ли ты своего господина?

Александрина.

Ахъ! я мѣры не знаю въ моей къ нему привязанности.

Дамонъ.

Желаешъ ли ему щастія?

Александрина.

Болѣе, нежели собственнаго своего.

Дамонъ.

Желаешь ли, чтобъ онъ былъ женатъ?

Александрина.

Это единственное и сильнѣйшее желанiе моево сердца.

Дамонъ.

И ты чувствуешь, что онъ непремѣнно долженъ мнѣ повиноваться, когда предлагаю я ему выгодную женидьбу . . . . но ты неотвѣчаешь мнѣ? О! это молчанiе подтверждаетъ мое подозрѣнiе.

Александрина.

Подозрѣнiе. . . .

Дамонъ.

О лукавецъ! ты все знаешь, но во всемъ притворяешься.

Александрина.

Повѣрьте, государь мой! что я ничего, ничего не знаю.

Дамонъ.

Оставимъ это, я говорю тебѣ безъ шутокъ; что естьли ты мнѣ

услужишь? то безъ благодарности не останешься — разумѣешь?

Александрина.

Разумѣю, сударь! и скажите только слово, то я всею душею готовъ употребить себя въ ваши услуги.

Дамонъ.

Естьли ты мнѣ откроешь все, то щедрость моя превзойдетъ все твое чаяніе. Послушай: — племянникъ мой влюбленъ. Хотя ты объ этомъ вѣрно болѣе знаешь, нежели я; но я тебѣ такъ разскажу всѣ подробности, какъ будто бы ты совсѣмъ о томъ не былъ извѣстенъ. Во время своего путешествія племянникъ мой встрѣтилъ въ одномъ уѣздномъ городѣ какую-то красавицу, которая хитростью, уловками и притворствомъ, которыя свойственны женщинамъ, свела его совершенно съ ума; — наконецъ и она также обольщенная имъ, оставя родителей, съ нимъ уѣхала. Теперь ты ясно видишь дока-

зательство безпутства этой дѣвки? . . .

Александрина.

А можетъ быть это служитъ доказательствомъ страстной ея любви

Дамонъ.

О хитрецъ! такъ ты хочешь защищать негоднаго моего племянника; но обратимся опять къ прежнему: Линваль конечно для этой особы нанялъ въ какомъ нибудь глухомъ переулкѣ домикъ; по тому что онъ никакъ не осмѣлится привезти ее въ мой домъ.

Александрина.

О! это бы ужъ слишкомъ было дерзко.

Дамонъ.

Да! одного этого не доставало къ дополненію ево безпутствъ; но онъ, вѣрно часто ее посѣщаетъ — и любимой его Жоккей вѣрно неразлученъ съ нимъ во всѣхъ свиданіяхъ.

Александрина.

Божусь вамъ, милостивый государь! что я отсюда никуда ни на шагъ не отлучаюсь.

Дамонъ.

Правду ли ты говоришь?

Александрина.

Ахъ! мнѣ въ этомъ домѣ такъ пріятно, что я желалъ бы въ немъ провести всю жизнь мою.

Дамонъ.

Ну! естьли ты съ нимъ еще не былъ, то онъ непремѣнно тебя туда поведетъ — и тогда-то можешъ ты мнѣ услужить.

Александрина.

Позвольте васъ спросить: какимъ же образомъ, милостивый государь!

Дамонъ.

Когда узнаешь ты о ея жилищѣ, то увѣдомь меня немедленно; я прикажу ее захватить.

Александрина.

Что же вы съ нею сдѣлаете.

Дамонъ.

Я отправлю ее къ отцу, естьли она виновна въ одной только любви къ моему племяннику; а когда — въ чемъ и сомнѣнія нѣтъ — когда она негодяйка; то постараюсь ее запереть въ доброе мѣстечко.

Александрина послѣ нѣкотораго молчанія.

Вы очень, очень хорошо поступите.

Дамонъ.

И такъ! теперь ты соглашаешься мнѣ служить?

Александрина.

Отъ всего моего сердца, чтобъ только запереть ее тамъ, гдѣ найдемъ ее; мнѣ это очень пріятно будетъ.

Дамонъ.

А я постараюсь тебя за то хорошенько наградить, хотя я и не опасаюсь, чтобъ она была помѣхою свадьбы моего племянника, но пред-

осторожность во всякомъ случаѣ полезна.

Александрина.

Такъ мой баринъ уже совершенно на женидьбу согласенъ?

Дамонъ.

Все уже кончено и завтра будетъ свадьба.

Александрина.

Завтра будетъ свадьба!

Дамонъ.

Чемужъ ты удивляешься?

Александрина съ смущенiемъ.

Нѣтъ, нѣтъ, я не удивляюсь.... я очень радъ благополучiю моего господина; онъ очень хорошо дѣлаетъ, что такъ поспѣшаетъ свадьбою. *въ сторону*: Ахъ! я насилу могу дышать — вся грудь моя стѣснилась. . . .

Дамонъ.

Такъ ты вѣрно здержишъ свое слово?

Александрина.

Вѣрно!

Дамонъ.

И ты меня объ ней увѣдомишь?

Александрина.

Въ тотъ же часъ, какъ скоро онъ будетъ съ нею.

Дамонъ.

И мы проучимъ эту негодяйку?

Александрина.

Непремѣнно:

Дамонъ.

Какъ же мы на ее счотъ потѣшимся; я заранѣе смѣюсь отъ всего сердца: то то будетъ смѣшно.

Дамонъ уходитъ смѣючись.

ЯВЛЕНIЕ XIV.

Александрина одна.

Онъ соглашается . . . что будетъ со мною . . . онъ оставляетъ меня . . . нѣтъ! я этому не вѣрю; можетъ ли оставить меня Линваль. . . . Линваль, которому я всѣмъ жер-

твовала . . . . Ахъ! естьли Линваль мнѣ могъ измѣнить? то всѣ мущины должны быть вѣроломцы, изверги. . . . и всѣ ихъ увѣренія и клятвы ничто. . . . слабыя, слабыя женщины, какъ вы нещастливы? кажется вы созданы быть жертвою хитрости и вѣроломства мужчинъ, которые обольстивъ васъ, завлекши васъ въ сѣти свои, видя несумнѣнную вашу погибель, не только не жалѣетъ объ васъ, но еще внутренно торжествуетъ.

ЯВЛЕНІЕ XV.

Александрина и Линваль.

Линваль.

Скажи мнѣ, любезная Александрина! основателенъ ли былъ твой страхъ; не имѣетъ ли дядя мой о тебѣ какого подозрѣнія?

Александрина *съ холодностію.*

Нѣтъ! онъ ни въ чемъ меня не подозрѣваетъ . . . но другой страхъ,

гораздо того лютѣйшій, терзаетъ мое сердце.

Линвалъ.

Скажи, скажи мнѣ, отъ чего онъ происходитъ!

Александрина.

Вѣроломный! ты меня оставляешъ? ты наносишъ мнѣ удары несноснѣйшіе самой смерти — и ты спрашиваешъ, чего я опасаюсь?

Линвалъ.

Александрина! что ты говоришъ?

Александрина.

Оставь притворство свое, мнѣ все уже извѣстно . . . . завтра должна совершиться твоя свадьба; завтра нещастная Александрина съ поруганіемъ будетъ выгнана изъ того дому, гдѣ останется тотъ, въ комъ полагала она все щастіе своей жизни, завтра гробъ будетъ единственнымъ ея прибѣжищемъ.

Линвалъ.

Александрина! любезная Александрина! повѣрь, что я никогда не пы-

лалъ къ тебѣ такою сильнѣйшею страстію, какъ теперь; но мнѣ надобно было успокоить дядю.

Александрина.

Тебѣ надобно было успокоить дядю . . . . кто же успокоитъ, кто прекратитъ горесть моего отца, котораго я для тебя рѣшилась оставить. Я была ему единственною подпорою, а можетъ быть побѣгъ мой будетъ виною преждевремянной ево смерти . . . . Линваль! естьли ты не чувствуешъ всего моего страданія, ты долженъ быть лютѣе тигра.

Линвалъ.

Повѣрь! я столько же стражду, какъ и ты; но намъ еще остается надежда, можетъ быть я къ щасттію моему не понравлюсь Изабеллѣ.

Александрина.

Нѣтъ, нѣтъ, ты и ее равно, какъ меня завлечешь въ сѣти свои; кто не умѣетъ любить, трудно ли тому обольщать? . . .

Линваль.

Александрина! какъ ты могла помыслить, что Линваль не умѣетъ любить.

Александрина.

Естьли чувство, которое ты питаешь ко мнѣ, называешь любовью, то нѣтъ на свѣтѣ любви. Да! я лучше желаю, чтобъ меня ненавидѣли, нежели такъ любили.

Линваль.

Ахъ! не поражай такъ моего сердца; вѣрь, что одна только смерть прекратитъ мою къ тебѣ любовь.

Александрина.

АРІЯ.

Не той ужъ ты пылаешь страстью,
Какой сперва твой духъ горѣлъ;
Ведетъ любовь чрезмѣрна къ щастью,
А слабая — утѣхъ предѣлъ.
Нѣтъ въ свѣтѣ ничего лютѣе,
Какъ сердцу милаго терять!
Но то для насъ еще страшнѣе,
Когда престанетъ онъ пылать.

Линваль! тѣ вспомни дни прекрасны,
Когда одно лишъ слово — взглядъ,
Восторги въ насъ раждая страстны,
Виной намъ были всѣхъ отрадъ.
Люблю! сто разъ произносили —
И каждой разъ тогда мы въ нїомъ,
Веселье ново находили,
И зрѣли нашу страсть во всїомъ.

*

Еще твой голосъ повторяетъ,
Что ты равно пылаешь мной;
Но вѣрь! тебѣ онъ измѣняетъ,
Являя жаръ, остывшiй твой.
Ты въ нѣжной охладѣвши страсти,
На вѣкъ лишился всѣхъ отрадъ;
Въ любви милѣе намъ напасти
Чѣмъ радости — коль въ сердцѣ хладъ.

*

Линваль.

Успокойся, любезная Александрина! клянусь тебѣ небомъ и моею любовїю, что Линваль вѣчно будетъ твоимъ. Помысли: въ силахъ ли я оставить ту, которая необходима для моей жизни. Скажи: какого ты требуешь отъ меня доказательства

любви; скажи: какой требуешь отъ меня жертвы?

Александрина.

Я требую отъ тебя той же жертвы, какую я для тебя сдѣлала; для тебя оставила я моего отца, оставь и ты для меня своего дядю.

Линваль.

И я даю тебѣ клятву исполнить твое желаніе; позволь только мнѣ еще употребить нѣкоторыя средства; можетъ быть дядя мой будетъ мною убѣжденъ.

Александрина.

Ахъ! Линваль, онъ идетъ.

Линваль.

Бѣги, бѣги отсюда, чтобъ онъ не примѣтилъ твоихъ слезъ.

Александрина.

Линваль! тебѣ поручаю я судьбу и жизнь мою.

Уходитъ.

Линваль.

Линваль умретъ, или будетъ твоимъ.

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Линваль, Дамонъ и Изабелла.

Дамонъ.

Будь посмѣлѣе, любезная Изабелла! подойди къ Линвалю, надобно всегда до свадьбы кое что между собою перемолвить. Вы другъ друга любите, однако, не смотря на это вамъ надобно ознакомиться, и поотогнать отъ себя застѣнчивость. . . . что же вы стоите? . . . . Глядя на васъ кажется, что будто женятъ васъ по неволѣ. Я вамъ говорю, что вы другъ друга любите, очень любите — и для того оставлю васъ здѣсь однихъ, чтобы вы въ этомъ другъ другу открылись; а я между тѣмъ пойду все приготовлять къ свадьбѣ. Ну, Линваль! подойди къ ней по мо-

лодецки . . . . эхъ! кабы ты видѣлъ, каковъ я былъ въ твои лѣта . . . . я вамъ еще разъ повторяю: вы любите, очень любите другъ друга. *въ сторону*: я имъ столько буду объ этомъ толковать, что они наконецъ и въ самомъ дѣлѣ тому повѣрятъ.

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Изабелла и Линвалъ.

Линвалъ.

Поступки моего дядюшки должны вамъ казаться, сударыня! странны; онъ конечно васъ сюда привезъ безъ вашего желанія и хочетъ выдать за человѣка, которой можетъ быть вамъ противенъ.

Изабелла.

Вы не можете, сударь, никому быть противными.

Линвалъ въ сторону.

Боже мой! я пропалъ, она меня любитъ.

Изабелла.

Я имѣю право о томъ же самомъ васъ спросить: и вы не противъ ли вашей склонности женитесь?

Линвалъ.

Вы заставите, сударыня! къ вамъ по неволѣ чувствовать сердечную склонность.

Изабелла въ сторону.

Боже мой! онъ меня любитъ, я пропала.

Линвалъ.

Но естьли какому другому смертному, пощастливилось прежде меня тронуть ваше сердце; вы бы конечно желали лучше быть за нимъ?

Изабелла.

А естьли сердце ваше покорно уже другой, которая гораздо меня достойнѣе. . .

Линваль.

Достойнѣе васъ! . . . Можетъ ли это статься?

Изабелла въ сторону.

Ахъ! какъ я нещастна! *къ Линвалю:* когдабъ только для благополучія нашего довольно было соединиться съ человѣкомъ достойнымъ — то я не могла бы жаловаться на участь, которую готовитъ мнѣ дядя вашъ; но не смотря на всѣ выгоды, которые родители могутъ найти въ женидьбѣ дѣтей своихъ, — я думаю, что надобно прежде совѣтоваться съ клонностію — и конечно въ этомъ вашъ дядюшка. . . .

Линваль.

О! что касается до этого, сударыня! то стоитъ только намъ быть другъ противъ друга искренными . . . и дядюшка мой будетъ въ сторонѣ.

Изабелла *съ нѣкоторымъ смущеніемъ.*

Какого же вы требуете, сударь! отъ меня отвѣта?

Линвалъ.

Какимъ образомъ могу я съ вами обьясниться?

Изабелла.

Вы можете разсѣять мое сомнѣніе.

Линвалъ.

Вы можете вывести меня изъ лютѣйшаго безпокойствія.

Изабелла.

Ахъ! естьлибъ вы захотѣли обьясниться. . .

Линвалъ.

Ахъ! естьлибъ вы захотѣли здѣлать чистосердечное признаніе.

Изабелла.

Чистосердечное признаніе. Увы! чего вы отъ меня требуете! . . . .

ДУЭТЪ.

Изабелла поетъ.

Дѣвица робкая, честная
Не знаетъ, что сказать о томъ —
И часто въ сердцѣ жаръ скрывая,
Хранитъ молчанїе во всïомъ.

Линвалъ.

Ахъ! часто съ нами тожъ бываетъ,
Хоть милой мы предметъ найдемъ,
Языкъ сказать нашъ не дерзаетъ;
Все наше щастье видимъ въ комъ.

Изабелла въ сторону.

Что это значитъ?

Линвалъ въ сторону.

Она молчитъ . . . . что мнѣ сказать?

Изабелла въ сторону.

Какъ тяжко сталъ онъ воздыхать!

Линвалъ.

И такъ, сударыня! . . .

Изабелла.

И такъ! . . . .

Линвалъ.

Вы поняли ль?

Изабелла.

Могуль понять?

Линвалъ.

Со мной открыто говорите.

Изабелла.

Но чтоже вы узнать хотите?

Линвалъ.

Не бойтесь никакой молвы.

Изабелла.

Изъяснитесь. . . .

Линвалъ.

Страстныль вы?

Изабелла.

Люблю, люблю въ томъ признаюся.
А вы? . . . .

Линвалъ.

Люблю и въ томъ клянуся.
А вы? . . . .

Изабелла.

Любви мнѣ нѣтъ милѣй.

Вмѣстѣ.

Такъ оба мы подвластны ей.

Линвалъ.

Ахъ! будьте столько откровенны,
Скажите: щастье зрите въ комъ.

Изабелла.

Могуль и я узнать о томъ,
Кому вы сердцемъ покоренны?

Линвалъ.

Увидя васъ не льзя любовью не пылать,
Но сталъ ужъ я давно другую обожать!

Изабелла.

Любили вы? о часъ блаженный!
Откроюсь я, какъ вы мнѣ были откровенны:
Покамѣстъ рокъ еще мнѣ зрѣть васъ не велѣлъ?
Другой уже моей душею всей владѣлъ.

Линвалъ.

Любили вы? блаженный часъ!

Въ это время Александрина показывается на концѣ театра:

Александрина.

Линваль, Линваль невѣрный!
Любовникъ лицемѣрный
Твой жаръ ко мнѣ погасъ.

Изабелла *говоритъ съ жаромъ.*

Это признаніе возвращаетъ мнѣ жизнь. Я боялась . . . . трепетала. . . . нѣтъ, нѣтъ, я не въ силахъ изяснить моего удовольствія. Пойду сей же часъ открою все Дамону . . . ахъ! какъ я щастлива.

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Линеаль и Александрина.

Линвалъ.

Естьли кто теперь блаженнѣе меня! всѣ мои напасти миновались; я услышалъ самое сладостное, самое пріятнѣйшее признаніе.

Александрина.

Да! радуйся, торжествуй, веселись моимъ страданіемъ, невѣрный!

Линвалъ.

Что ты говоришь, любезная Александрина! я теперь щастливѣйшій изъ всѣхъ людей.

Александрина.

А я нещастнѣйшая изъ всѣхъ.

Линвалъ.

Тебя ослѣпляетъ ревность: вѣрь ни что уже не можетъ теперь тебя смущать. Изабелла меня не любитъ, другой предметъ давно занимаетъ ея сердце.

Александрина съ жаромъ.

Она тебя не любитъ . . . . и ты будешъ моимъ. Александрина и Линваль будутъ неразлучны. Нѣтъ, нѣтъ, я не могу этому повѣрить, ты меня обманываешь, обманываешь?

Линвалъ.

Могуль я тебя обманывать?

Александрина.

Знай, что я все видѣла, все слышала — и каждое твое слово отзы-

ваясь въ моемъ сердцѣ, поражало ево лютѣйшими ударами.

Линвалъ.

Я тебѣ говорю, любезная Александрина, что ты ошибаешься.

Александрина.

Нѣтъ, нѣтъ, твой восторгъ, твоя радость, невольно обнаружили расположенiе твоей души.

Линвалъ.

Вѣрь, что восторгъ и радость моя происходили отъ того только, что меня не любятъ.

Александрина.

Моглаль я ожидать отъ тебя такой жестокости? къ невѣрности, къ измѣнѣ своей присоединяешь ты еще самую злобную насмѣшку.

Линвалъ.

Любезная Александрина! успокойся, не терзай моего сердца; кля-

нусь, что ты ошибаешься; клянусь, что одна только ты будешь вѣчно мною обладать и эту клятву повторяю у ногъ твоихъ.

Падаетъ на колѣни.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Прежніе, Дамонъ и Изабелла.

Дамонъ.

А! вотъ еще новость: господинъ стоитъ на колѣняхъ передъ своимъ Жоккеемъ.

Александрина.

Все открылось!

Линвалъ.

Да! дядюшка, я долженъ теперь признаться вамъ въ томъ, чево бы никогда не надлежало мнѣ отъ васъ и скрывать. Въ этомъ Жоккеѣ вы видите ту, которая владѣетъ и вѣчно

будетъ владѣть моимъ сердцемъ. — Любовь заставила ее мнѣ всѣмъ жертвовать; а страхъ, чтобъ ненавлечь на себя вашъ гнѣвъ, заставилъ ее такимъ образомъ переодѣться.

Дамонъ.

Спасибо племянничекъ! прекрасными вѣсточками ты радуешь своего дядю.

Линвалъ.

Наказывайте меня, лишайте меня всѣхъ своихъ милостей, естьли я виновенъ въ томъ, что имѣю сердце чувствительное и благодарное. Я не испрашиваю вашего имѣнія, прошу только вашего дружества и позволенія соединиться съ нею вѣчнымъ и неразрывнымъ союзомъ.

Дамонъ.

Изабелла! какъ ты объ этомъ думаешь?

Изабелла.

Троньтесь ево прозьбою и не сопротивляйтесь благополучію его;

Дамонъ.

Ты очень снисходительна; а ты господинъ Жоккей, что не говоришъ ни слова?

Александрина.

Зная вину мою вы конечно не примите отъ меня никакого оправданія. Сердце мое, стѣсненное стыдомъ, отчаяньемъ и горестью, не позволяетъ мнѣ промолвить ни слова

Дамонъ.

Вотъ и вышло, что я не напрасно дивился разуму этаго Жоккея. Но мы посмотримъ, посмотримъ: чѣмъ эта наглость кончится.

Изабелла.

Смягчитесь ихъ горестію, троньтесь моею прозьбою. Страстная ихъ любовь достойна нагружденія. Вы выслушали меня великодушно, вы не хотите мѣшать моему щастію; за что же вамъ противиться ихъ благополучію?

Линвалъ.

Я вамъ уже открылъ мое сердце — и еще подтверждаю: что мнѣ нужно одно только ваше дружество.

Александрина.

И я о томъ же васъ прошу. Я жертвовала всѣмъ для вашего племянника — и чтобы доказать вамъ, какъ непорочны чувствованія моей любви. Я готова отказаться отъ руки его — осудя себя на вѣчное страданіе.

Линвалъ.

Нѣтъ, нѣтъ, я на все могу согласиться, — кромѣ этого; безъ Александрины ненужны мнѣ сокровища цѣлаго свѣта и жизнь безъ ней лютѣе для меня смерти.

Изабелла.

Можете ли вы еще упорствовать?

Дамонъ къ Александринѣ.

Скажи мнѣ: кто твой отецъ?

Линвалъ.

Отецъ ее бѣденъ, но онъ отличается истиннымъ благородствомъ духа и честностію, и одна только чрезмѣрная любовь заставила Александрину его оставить.

Дамонъ.

О! такъ это Александрина!

Изабелла.

Предайтесь стремленію добраго своего сердца, и вы конечно ихъ простите.

Линвалъ.

Мы будемъ вамъ обязаны всѣмъ нашимъ щастіемъ.

Александрина.

Вамъ буду обязана я жизнію и честію моею.

Линвалъ.

Дядюшка! вы смягчаетесь?

Дамонъ.

Чортъ меня возьми, какъ одному устоять противъ трехъ; ну да

и пословица есть, когда трезвому скажутъ троя ты пьянъ, такъ и ложись спать. Да какимъ же образомъ изъявлю я благодарность отцу Изабеллы?

Линваль.

Пусть все то имѣніе, которое вы мнѣ назначили, достанется Изабеллѣ въ приданое. А я все найду въ вашемъ дружествѣ и въ любви Александрины.

Дамонъ.

Этотъ поступокъ примиряетъ меня съ тобой.

Александрина и Линваль.

Какую принесемъ мы вамъ признательность?

Дамонъ.

Ваша искренняя ко мнѣ привязанность будетъ лучшимъ тому знакомъ. А тебя, Изабелла! отвезу я къ твоему отцу — и пусть тотъ, кому предано твое сердце, будетъ супругомъ твоимъ. Однако — правду сказать:

я первой только разъ въ жизнь мою приневоленъ то дѣлать, чего не хотѣлъ.

Линваль.

И вѣрьте! что вы въ томъ не будете раскаяваться.

ФИНАЛЪ.

Александрина.

Чтобъ быть съ любовникомъ своимъ,
На все нашъ полъ готовъ рѣшиться:
Влеченный страстью — вмѣстѣ съ нимъ,
Въ пустынѣ радъ онъ поселиться.
Не льзя меня винить ни въ чемъ:
Какъ я — всѣ бъ также поступили:
Мы всѣ отъ вѣка такъ живемъ,
Чтобъ все любви въ дань приносили. 2.

Дамонъ.

Хоть я живу по старинѣ,
Хоть модамъ нынѣшнимъ смѣюся;
Но этотъ бы Жоккей и мнѣ
Пришелъ по сердцу — въ томъ божуся.
Любови приличны всѣ затѣи
Любовь умы кружитъ у всѣхъ.
Приманкой служатъ и Жоккеи,
Чтобъ въ страсти получить успѣхъ.

Линвалъ.

Коль пламень постоянной страсти
Питаетъ кто въ груди своей,
Преодолѣетъ тотъ напасти
И щастье ощутитъ сильнѣй.

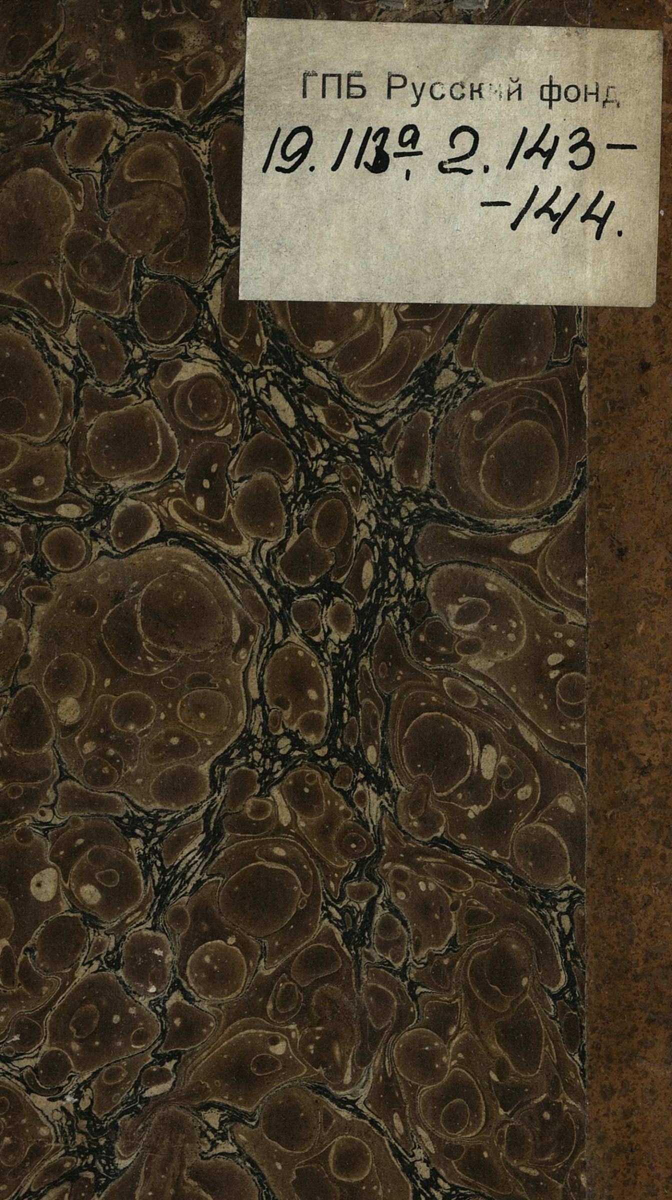
все вмѣстѣ.

Любови приличны всѣ затѣи,
Любовь умы кружитъ у всѣхъ.
Приманкой служатъ и Жоккеи,
Чтобъ въ страсти получить успѣхъ. 2.

Конецъ Оперы.

ГПБ Русский фонд
19.113а. 2.143-
-144.